

Почему я переводил Омара Хайяма.

Однажды мой хороший знакомый, выдающийся лингвист, знаток древнего иранского языка, первый переводчик Авесты, профессор и т.д. — Стеблин-Каменский из С.-Петербурга подарил мне небольшую книжечку «Омар Хайям», рубай. Оригинальность этой книжки заключалась в том, что в ней были даны 70 подстрочников рубаи Омара Хайяма, сделанные в основном Стеблиным-Каменским. К каждому из рубай были даны по несколько известных переводов разных авторов, включая переводы Омара Хайяма с английского.

Каково же было мое удивление — переводы имели малое отношение к подлиннику, а иногда и противоположный смысл. Впрочем, что удивляться. Кажется, никто не задумывался, почему великий ученый, математик, астроном, сделавший многие научные открытия, опередивший европейцев на 500 лет, вошел в историю культуры как гуляка, пьяница, бабник и т.д. Причина — его же стихи. Читая подстрочники, вдруг видишь другого Хайяма. Подстрочник — важнейшая часть перевода, особенно восточной поэзии, ибо языка поэта переводчики, как правило, не знают. Я плохо, но все же знал. Но кто делает подстрочники — вопрос? Фамилий нет. Могут быть и случайные люди. Тем более, язык Хайяма — фарси 11 века это не современный персидский или таджикский, а подстрочники делали в основном таджики. Специалистов по староперсидскому очень немного. Возможно и другое.

Переводчики в основном малоизвестные так называемые поэты. Я кое-кого знал из таковых. Они ездили по республикам и переводили — сегодня персидскую, завтра дагестанскую, чукотскую, бурятскую и т.д. поэзию. Где же прочувствовать дух, образность и, главное — символику той же персидской поэзии — в основном суфийской, т.е. закрытой для обычного понимания — поэзию Рудаки, Джамии, Хафиза, того же Хайяма. Простые символы вина, глины, любовной страсти и т.д. непонятны без комментариев. Серьезные ученые-востоковеды все знают, но переводами не занимаются.

Позволю себе краткий комментарий важных символов поэзии Хайяма.

«Вино» — это духовная сущность бытия.

«Вселенная» — это чаша вина.

«Человек» — чаша, где глина чаши — плоть.

«Вино» — дух.

— Мы в чаше бытия — лишь пузырьки вина. (Омар Хайям).

«Виночерпий» — творец духа. Он же «Гончар» — творец материи.

«Опьянение» — это экстатическое состояние соединения своего духа — «вина» — с всеобщим духом — Всевышним. Слова Бог, Аллах Хайямом не употребляются. Бог — Создатель выступает под разными именами, как в мужской, так и в женской ипостасях.

«Любовь» — это стремление к соединению с любимым, опять-таки, «Создателем» или с любимой — «Невестой Вселенной».

Я знаю, вероятно, все переводы Хайяма, начиная с Бальмонта. Ничего подобного этой сложной символике там нет. Переводчики просто отбрасывали непонятное, превращая все в обыденное. Поэтому «виночерпий вечности» (соки азал — на фарси) становится простым виночерпием из кабака. А «вечность — азал» просто не переводится.

Так же и «Невеста Вселенной» (аруси дахр — на фарси) становится просто невестой, а «Вселенная» — (дахр) — не переводится. И т.д.

Мистик Омар Хайям становится простым веселым пьяницей, и это очень нравится читающей публике — похож на нас — любит женщин и вино.

В книжном магазине на Калининском проспекте, где коротко продавалась моя книжка, лежали еще 5—6 разных хайямов с все теми же известными привычными публике переводами.

И еще. В мусульманском мире вино запрещено. Это всем известно.

Какие красавицы могут быть в объятиях поэта? Разве что проститутки. Но их, как известно, могут побить камнями.

В религиозной поэзии, а это и есть поэзия Хайяма, любовь — это отношение к Всевышнему, а не к женщине. Никого в христианстве не удивляет, что Бог есть Любовь. А любовь к Христу, к Богородице (Мадонне) — везде любовь.

Хайям символичен. У него все очень зашифровано. Ведь в исламе нельзя изображать даже человека, не говоря о Боге. Вся философия Хайяма выражена в последних словах одного из рубаи.

— Зеро ки якеро ду нагуфтам харгиз. (фарси)

— Ведь я одно не называл двумя.

Нет дуализма. Все есть — Единство. Я и Бог — тоже одно в своей субстанциональной основе.

Средневековый поэт-мистик Насими однажды сказал: — «Я есть Бог».

И поплатился жизнью.

Поэтому у персидских поэтов-суфиев многое зашифровано.

В.Серебровский

ОМАР ХАЙЯМ

РУБАИ

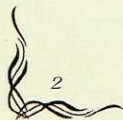

Перевод с фарси
Владимира Серебровского

Откуда ты явилась – вопрошаю.
Сияние луны затмила красотой.
Известно, к празднику себя все девы украшают,
Ты ж украшаешь праздники собой.

Не рассыпал я жемчуга покорности тебе,
И пыль греха осталась на моем лице.
В обитель благодати все ж возьми меня,
Ведь я одно не называл двумя.

*Вы стали пленниками разума и знания.
В погоне за «ничто» вы иссушили ум.
Уж лучше пить вино в своем незнании,
Чем не дозреть и высохнуть в изюм.*

*Любовь – то солнца незакатный свет.
Любовь – то пение птиц, встречающих рассвет.
Любовь – не стоны-трели соловья.
Любовь – когда без стога умираю я.*

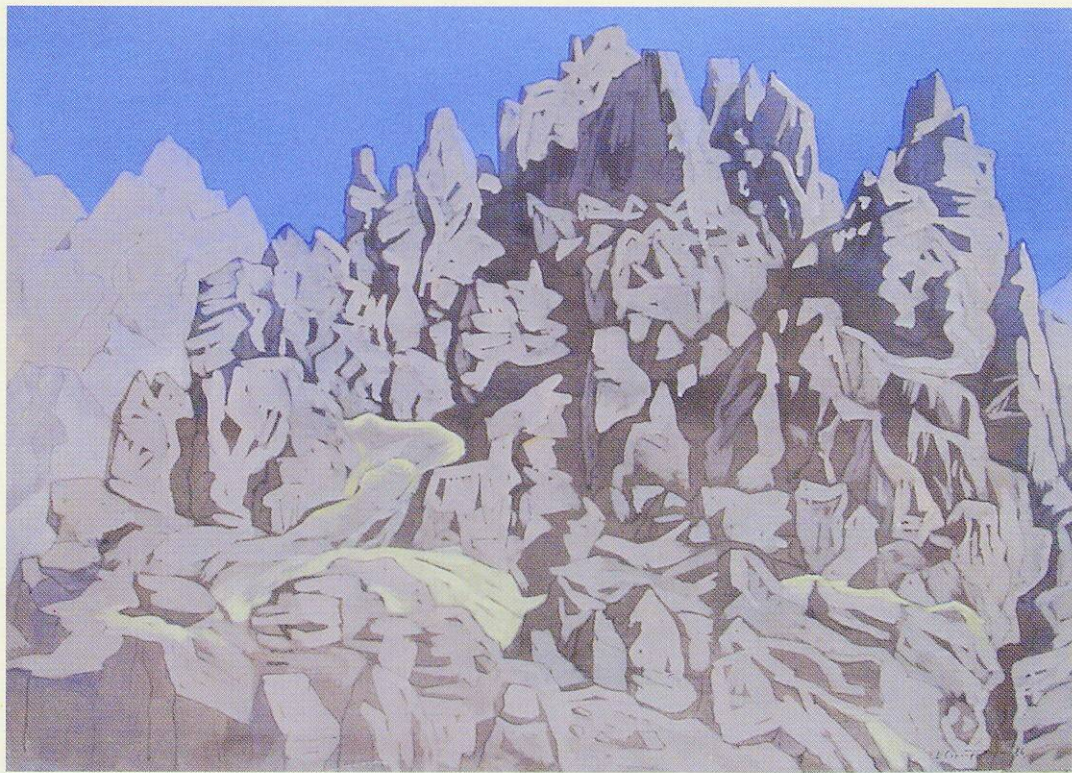

*Любовь – это море блаженства, твержу я еще и еще.
Прекрасна и та, что однажды похитила сердце мое.
Словами наполнено сердце, язык онемел от речей.
Я жажду, но словно не вижу, что рядом прозрачный ручей.*

*Пусть желанья исполнены все. Ну и что?
Наслажденья испытаны все. Ну и что?
Пусть сто лет проживешь, а потом еще сто.
Ну и что?*

Обряды отбрось, встань на истинный путь,
Добром поделиться с людьми не забудь.
Чужого не тронь, кровь ничью не пролей.
А я за тебя поручусь пред Творцом. Так налей!

О, виночерпий, дай вина испить,
Чтоб в море радости печали мира растворить.
Не будь сосудом узким, суфий, знай:
Две капли выпил, а вино ужльется через край.

*Все, что имеешь ты, Творцом тебе дано.
Судьбу не изменить нам все равно.
Не беспокойся же о том, что ты имеешь.
И не заботься ты о том, что не дано.*

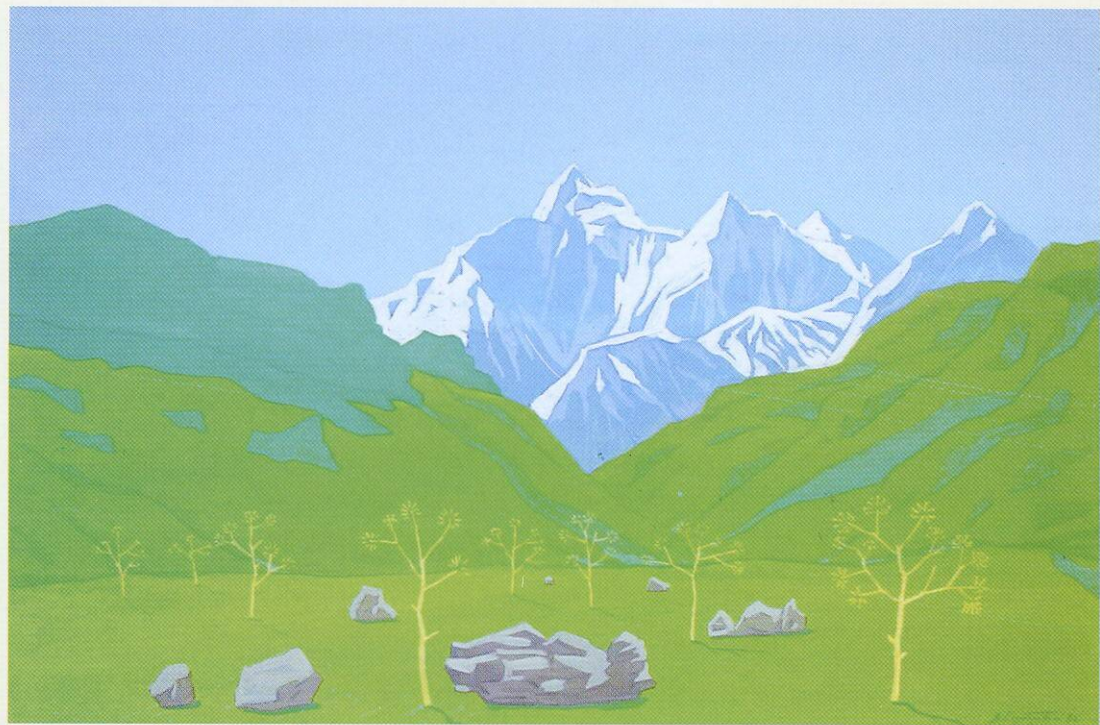
*В нас заключается радость и горе,
Блага источник, насилия море,
Мы и возвышены духом, и бранны.
Зеркало – мы, отраженье Вселенной.*

Жизнью я пожертвую своей
Ради благородных из мужей.
Хочешь знать, что чувствуют в аду,
Повстречайся с негодяем на беду.

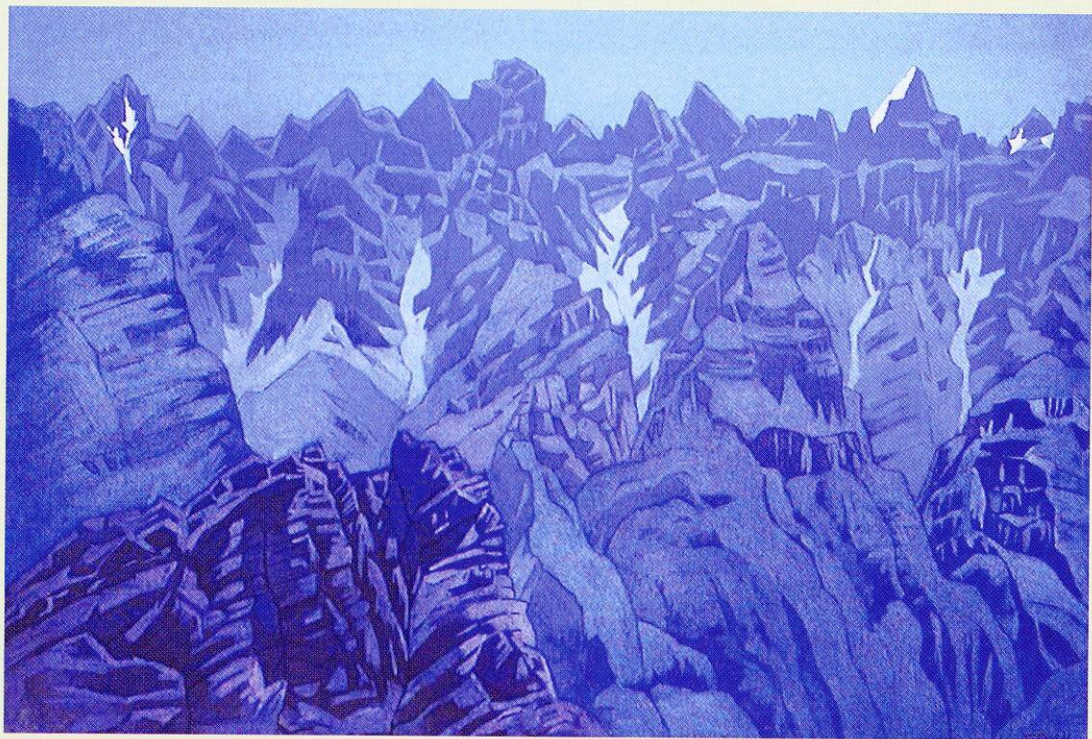
Тот, кто проделал жизни путь,
Назад вернулся ль кто-нибудь?
На перепутьях алчности-нужды
Оставь надежду – не вернешься ты.

*Запрет не пить вина, возможно, дан не всем.
Ведь важно, кто пьет, сколько пьет и с кем.
Исполнив три условия, убедишься сам,
Что можно пить вино, но только мудрецам.*

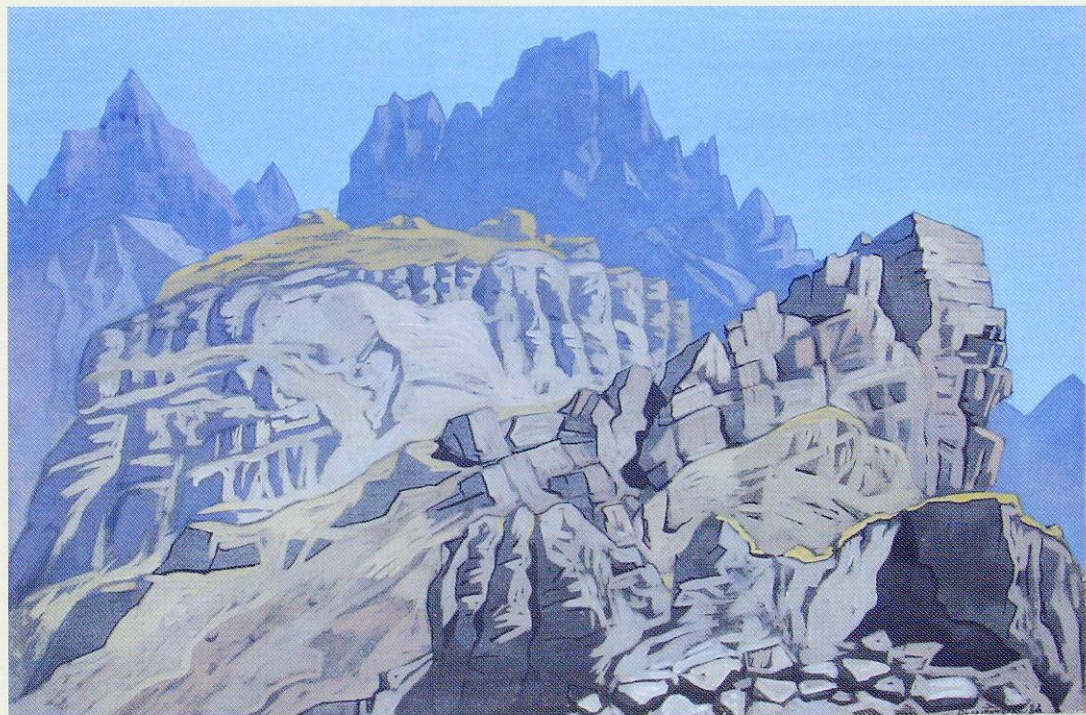
*Судьбы своей удел исполнить нам дано.
На радости престол воссядь, взяв чашу, пей вино.
Коль от грехов и добродетелей твоих далек Творец,
Исполни хоть одно свое желанье, наконец.*

*Неважно, что ты ешь, что на тебе надето,
Никто не попрекнет тебя за это.
Но лишнее отринь, желаньям нет конца –
Жизнь можешь погубить – бесценный дар Творца.*

*Говорят, что все пьяницы будут в аду,
Но не очень-то верю я в ту ерунду.
Коль накажет влюбленных и пьяниц Господь за грехи,
Станет пусто в рая, как в ладони руки.*

*Будь весел, не тужи о преходящем мире.
Лови мгновенья радости на пире.
О, если б было постоянство, верьте,
Тогда бы не было рождения и смерти.*

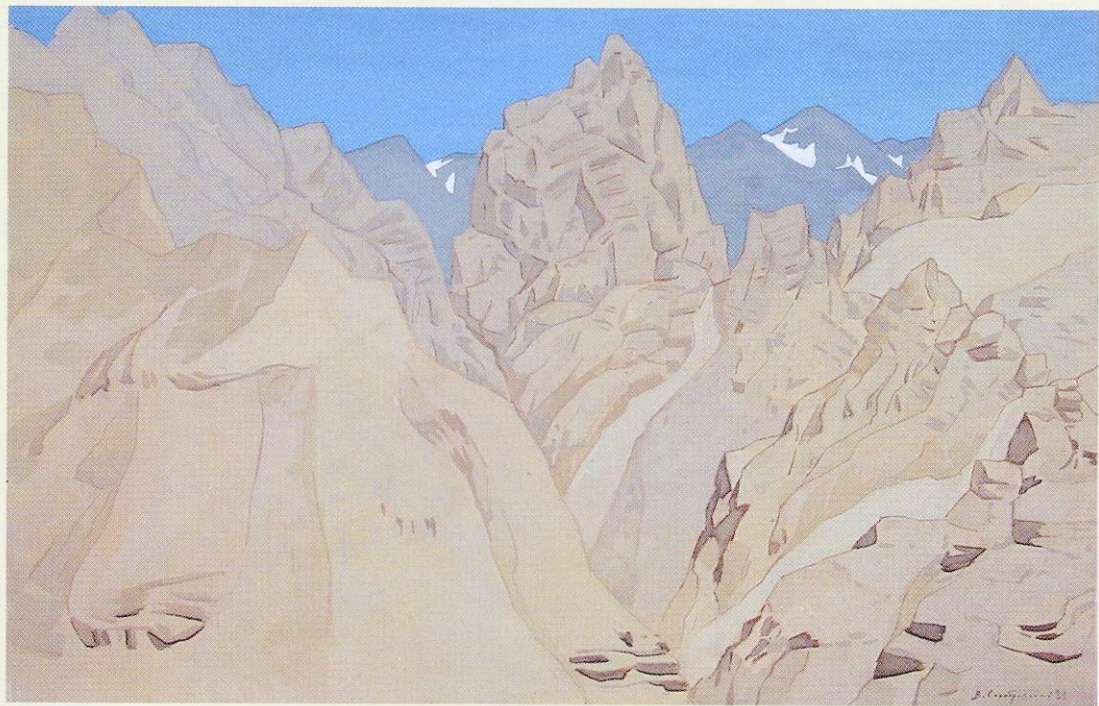
*Тот, кто создал сей мир и твердь, и небеса,
О, как изранил наши он печальные сердца,
Как много уст, очей, луноподобных лиц...
Все превратилось в прах, повергнутое ниц.*

Утра арқан уж набросило солнце на крышу,
Дня повелитель бросил бусы в небесную чашу.
Пей же вино, а любовный призыв этих дней
Отзовется как дальнее эхо. Налей!

Дом вечности, Хайям, – пристанище души,
А тело – лишь палатка для отдыха в пути.
Когда ж предела смертного слуга к тебе придет,
Душа покинет тело, палатка упадет.

Этим нужно дорогою веры идти.
Этих мучат сомнения о верном пути.
Но боюсь, не поймете вы это.
Путь к Творцу и не тот, и не этот.

Мирские все дела улажены. Пускай.
Желанья все исполнились. Пускай.
Но ты подобен снегу, знай,
Два дня, и вот уже растаял. Что ж, пускай.

Ранним утром тюльпан собирает росу,
А фиалка склонила свой стан на ветру.
Мне милее бутон. Он оправил одежду свою,
Чтоб с достоинством встретить царицу-зарю.

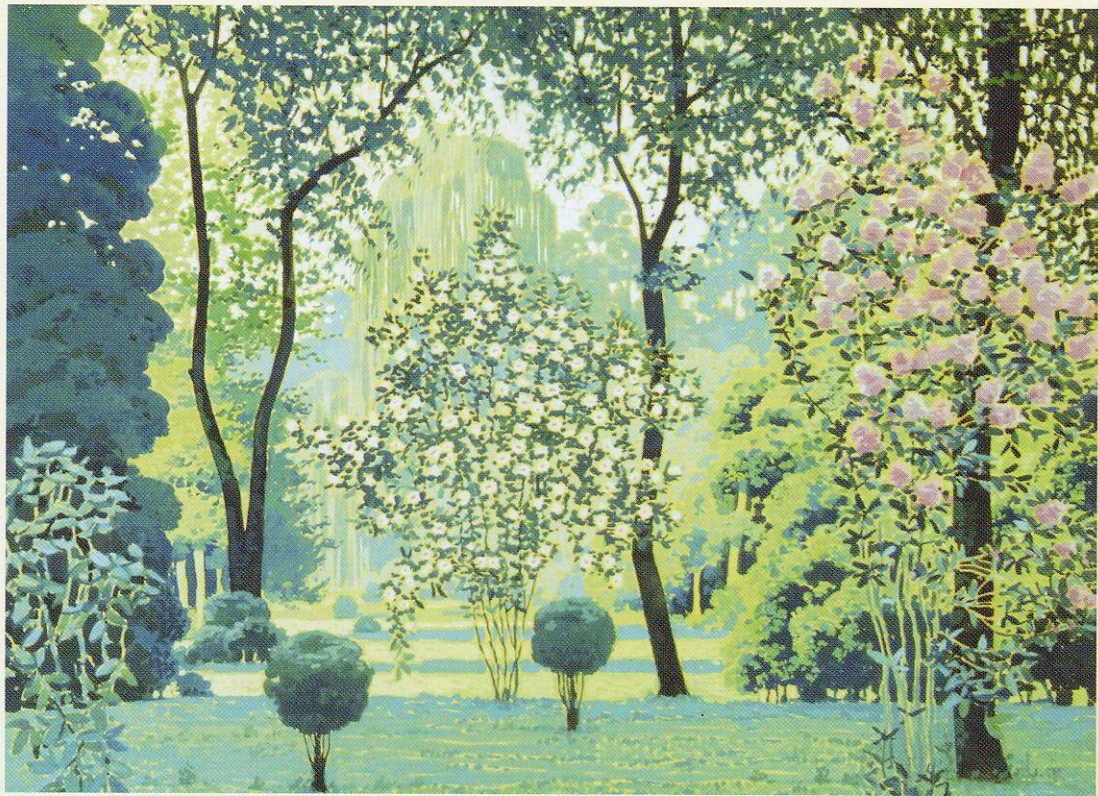
Порадуй одного, и это будет лучше,
Чем сделать землю радостно цветущей.
И лучше добротой кого-то покорить,
Чем тысячу рабов освободить.

Три дня – и жизнь уже прошла,
Как ветер по степи, как в ручейке вода.
О двух из них я думать перестал:
О дне, что пролетел, и дне, что не настал.

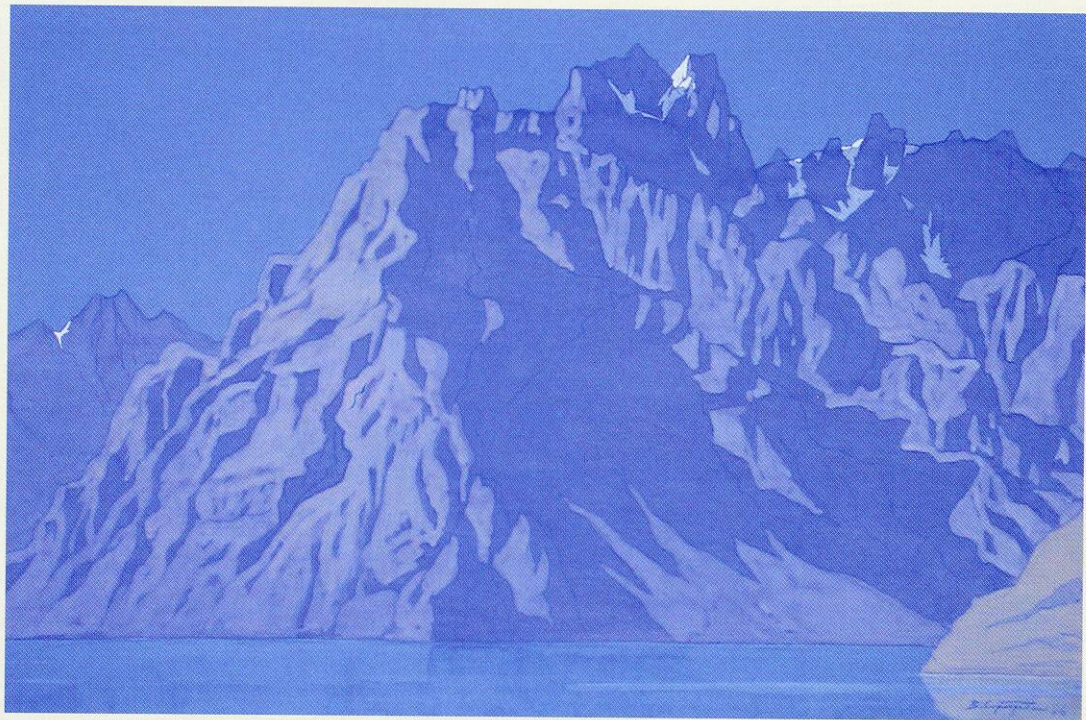
Щеславием терзается глупец,
Другим подай красавиц иль дворец.
Когда ж они поймут, что близок их конец,
Увидят, как далеk от них Творец.

*Я из другого мира соколом сюда влетел,
Из пропасти неверия вершины откровения достичь хотел.
Но не нашел я здесь того, кто истину постиг.
И улетел назад сквозь ту же дверь, через которую сюда проник,*

*Пей вино, наслаждайся и радостен будь!
А про веру, неверье пока забудь.
Я спросил у Невесты вселенной:
— Где мы будем вдвоем?
Отвечала: — В радостном сердце твоём.*

*Добро и зло сама судьба рождает.
День радости сменяет скорби ночь.
Так не пеняй на Небо, строго рассуждая,
Оно бессильно чем-нибудь помочь.*

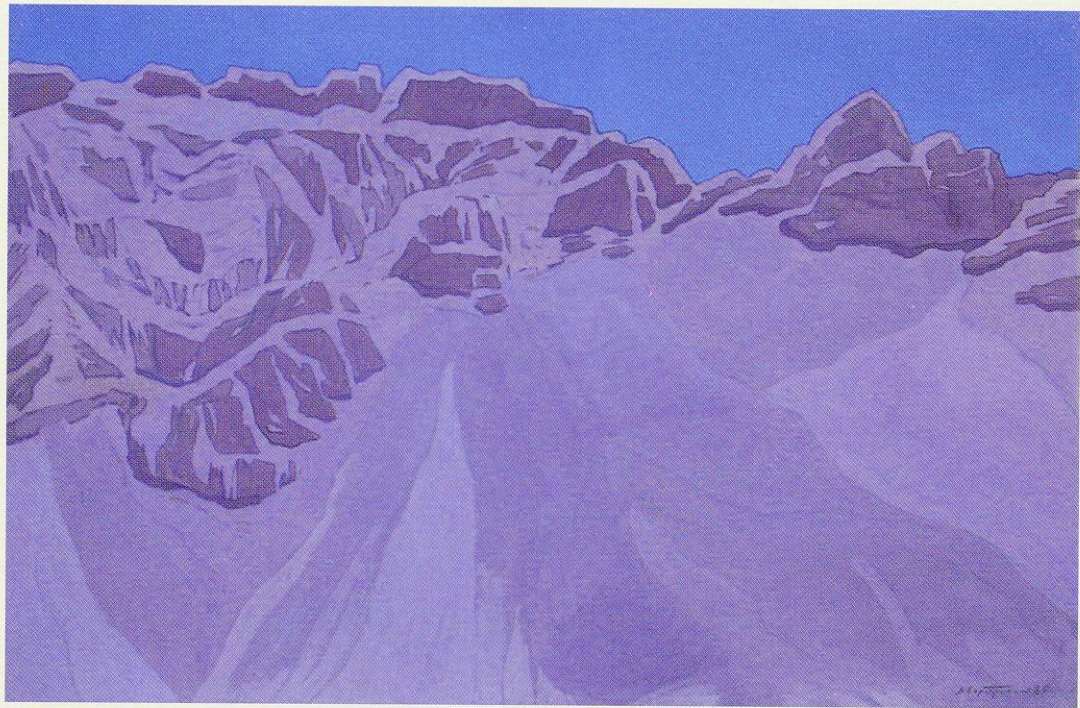
*Тебе и мне всех тайн не разгадать,
Загадочных писем судьбы не прочитать.
Беседу мы ведем через завесу лет.
Завеса упадет, а нас уж в мире нет.*

*Нельзя разорвать нам оковы судьбы.
Вот так и живем в ожиданье беды.
Старался постичь я, в чем смысл бытия,
Но вышел плохой ученик из меня.*

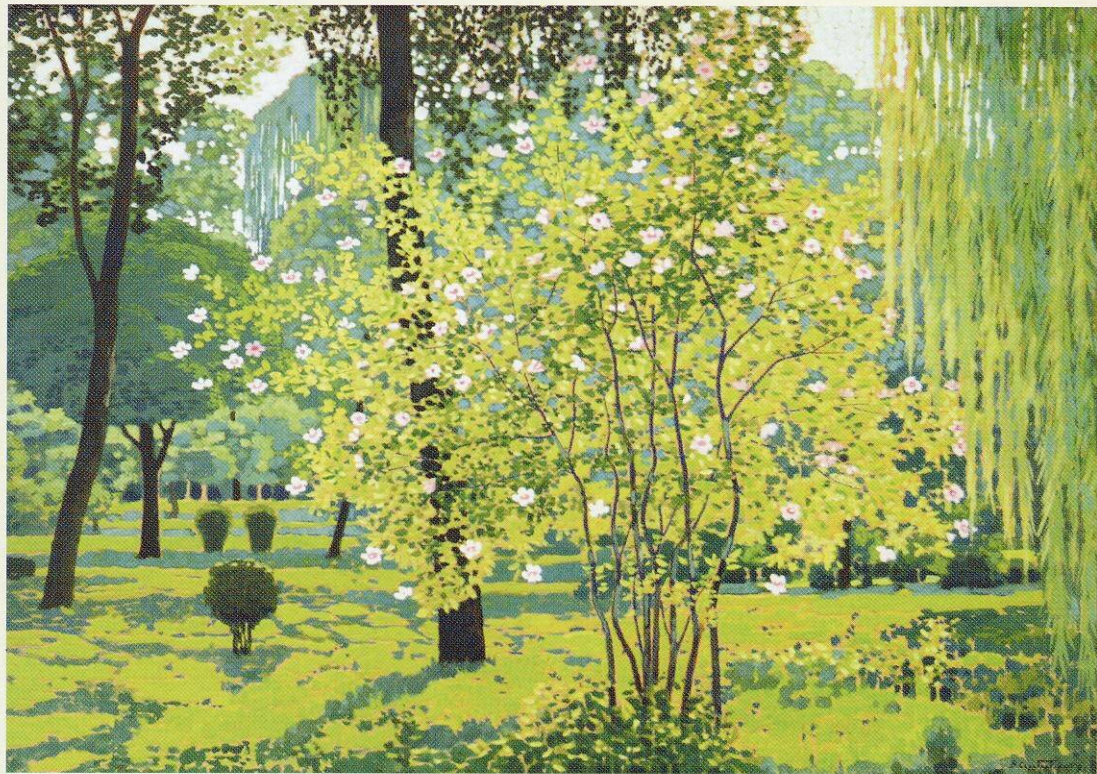
*Пылинка на поверхности земли
Красавицей была с челом, как у Зухры.
Сдувай же осторожно ты пылинки эти.
Что лики дев прекрасных, кои нет на свете.*

*В круговерти вселенной, где находится дно?
Жизни чашу испить до конца нам дано.
Вот пришел твой черед, не вздыхай.
Эту чашу судьбы выпивай.*

*Враждебный Небосвод! Не жду я милость.
Я знаю, Твой закон – несправедливость.
Земля, откройся! Если б знать дано,
Как много чудного в тебе погребено.*

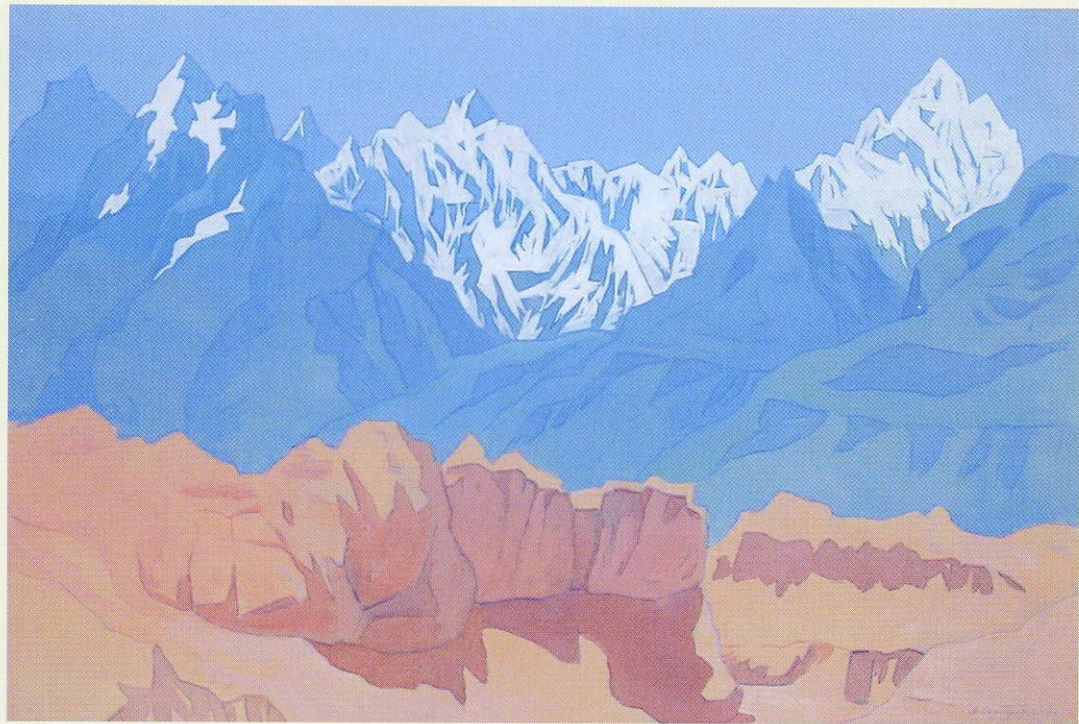

5

*Коль горести грядут, в том не твоя вина.
Дай выпить, Господин, из рук Своих вина!
Запомни, ты – не золото, глупец,
Зароют в землю, и тогда всему придет конец.*

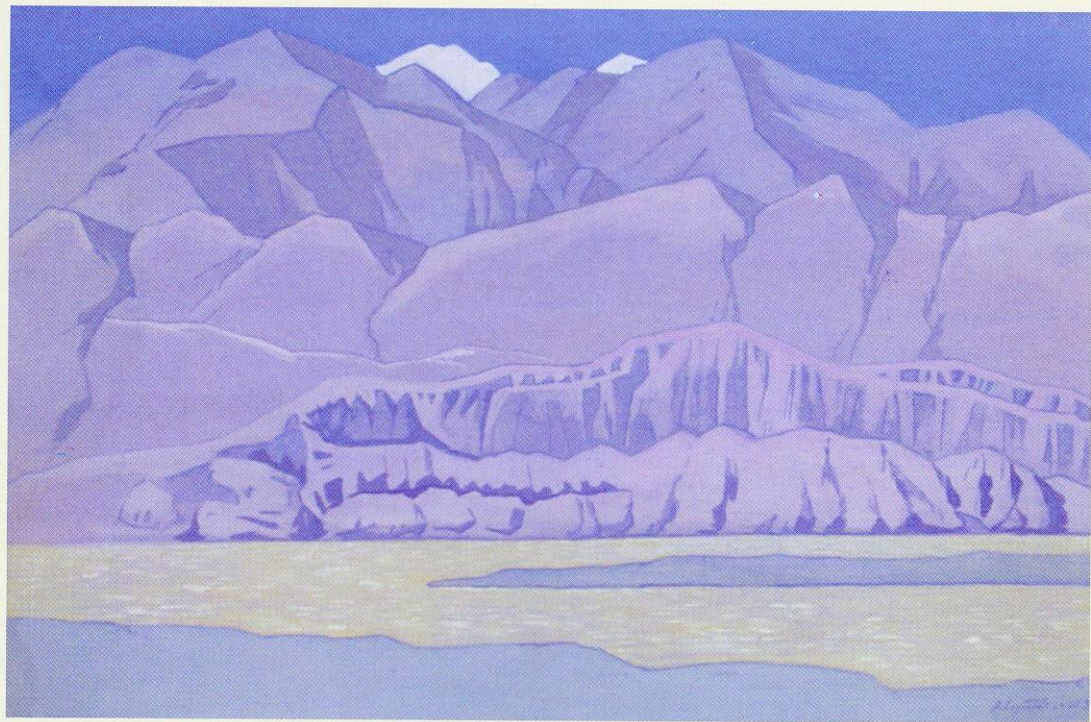
*Что нам судьбой дано, никак не изменить.
Не будем же скорбеть, напрасно слезы лить.
И пусть всю жизнь проплачешь, все равно,
Ни капли не прибавишь ты к тому, что нам дано.*

*Я знаю сущее – «Бывать иль не бывать».
Я знаю скрытое – «Возвыситься иль пасть».
Но знания мои и все, что я постиг,
Я отдал бы за опьяненья миг.*

*Прильнул к краям кувшина я, томимый жаждой,
Чтоб счастье долгой жизни обрести однажды.
Кувшин в ответ, прильнув к губам моим,
Шепнул: – Побудь со мной, я тоже был таким.*

*Мы уйдем, а Вселенная будет всегда.
Мы уйдем, на земле не оставив следа.
Раньше не было нас, ну и что же?
И без нас будет в мире все то же.*

*Мы – куклы, Небо – куколовод.
Свою сыграли роль, и вот –
Час пробил, друг за другом – ты и я
Отправились в сундук небытия.*

О, если бы покой могли мы обрести
И сердцем отдохнуть в конце пути.
О, если было бы даровано судьбой
Через сотни лет нам прорасти травой.

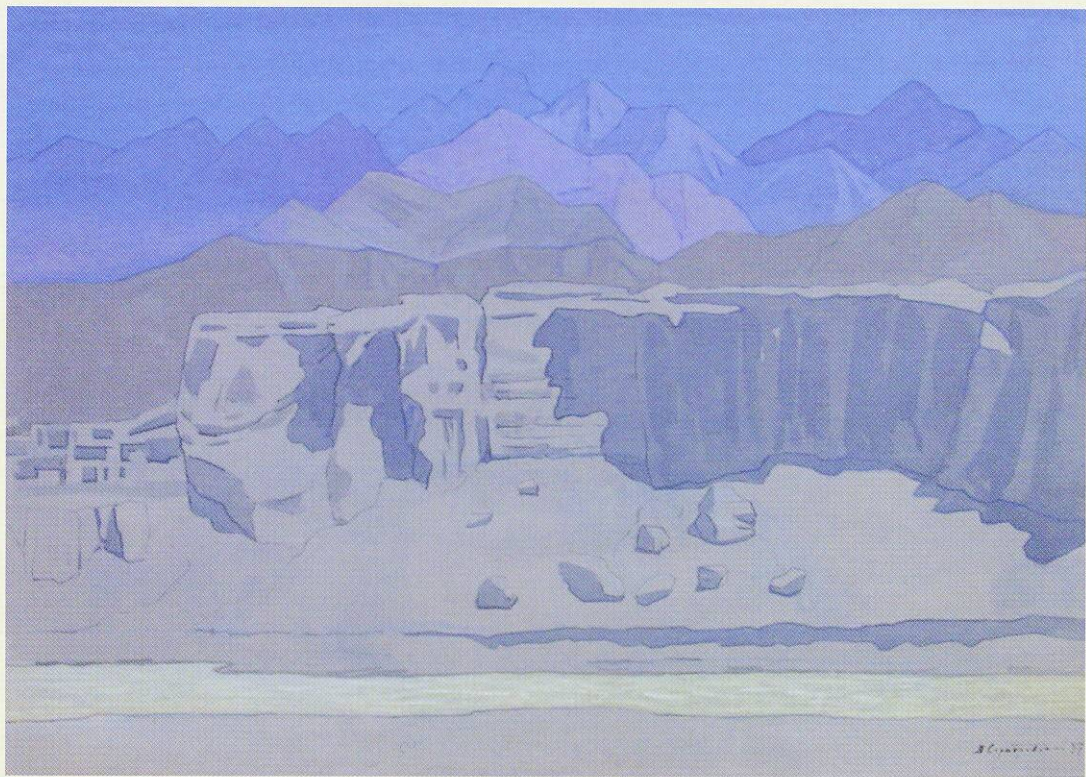
Поссорившись с ветром, осыпалась роза.
Ветер подул, и осыпалась роза.
За несколько дней по вине Небосвода,
Едва распустившись, осыпалась роза.

*Я по воле Твоей появился на свет,
Я по воле Твоей прожил в неге сто лет,
А теперь буду сто лет грешить и терзаться сомнением,
Больше милость Твоя иль мои прегрешенья.*

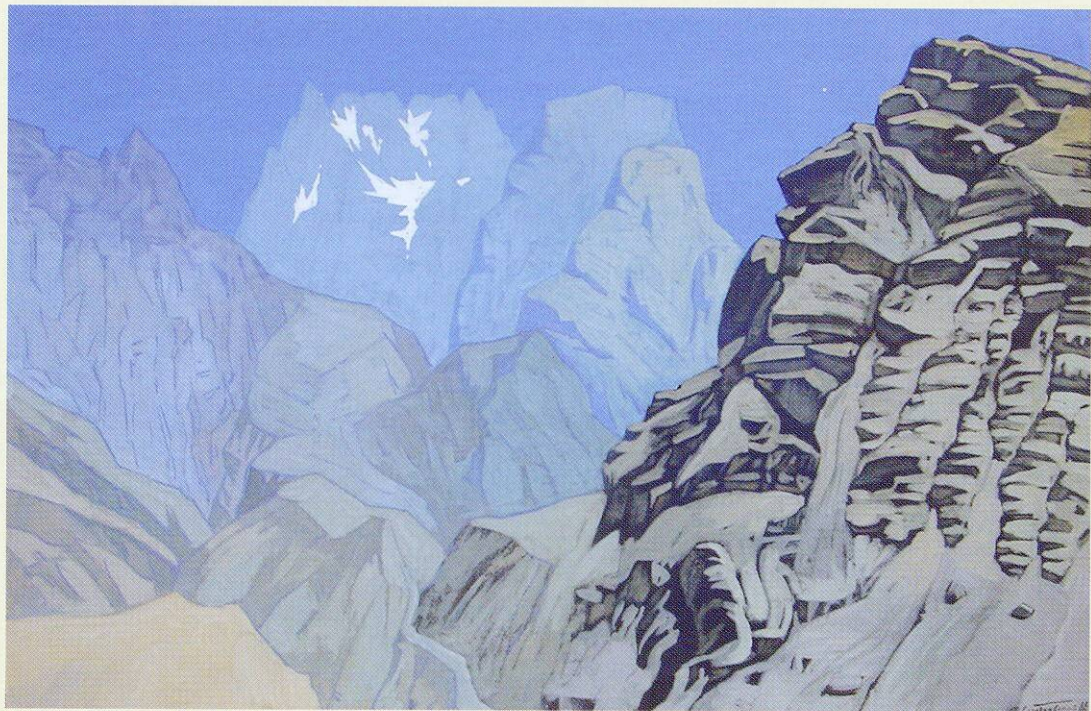
*Не подойду я с радостью к прекрасному вину,
Покуда горького питья с ладони не хлебну.
Лепешку не макну в чужую соль,
Покуда не вкушу родного сердца боль.*

О, сердце, перестань страдать,
Что ты не можешь истину познать.
В превратностях судьбы нам некого винить.
Что ею предназначено, уже не изменить.

Пока не постигнешь ты дервиша тягостный путь,
Ничего не достигнешь.
Пока не поймешь кровью сердца омытого суть,
Ничего не достигнешь.
Пока ты пути отречения в любви не постигнешь,
Ничего не достигнешь.

Почему я переводил Омара Хайяма.

Однажды мой хороший знакомый, выдающийся лингвист, знаток древнего иранского языка, первый переводчик Авесты, профессор и т.д. — Стеблин-Каменский из С.-Петербурга подарил мне небольшую книжечку «Омар Хайям», рубай. Оригинальность этой книжки заключалась в том, что в ней были даны 70 подстрочников рубаи Омара Хайяма, сделанные в основном Стеблиным-Каменским. К каждому из рубай были даны по несколько известных переводов разных авторов, включая переводы Омара Хайяма с английского.

Каково же было мое удивление — переводы имели малое отношение к подлиннику, а иногда и противоположный смысл. Впрочем, что удивляться. Кажется, никто не задумывался, почему великий ученый, математик, астроном, сделавший многие научные открытия, опередивший европейцев на 500 лет, вошел в историю культуры как гуляка, пьяница, бабник и т.д. Причина — его же стихи. Читая подстрочники, вдруг видишь другого Хайяма. Подстрочник — важнейшая часть перевода, особенно восточной поэзии, ибо языка поэта переводчики, как правило, не знают. Я плохо, но все же знал. Но кто делает подстрочники — вопрос? Фамилий нет. Могут быть и случайные люди. Тем более, язык Хайяма — фарси 11 века это не современный персидский или таджикский, а подстрочники делали в основном таджики. Специалистов по староперсидскому очень немного. Возможно и другое.

Переводчики в основном малоизвестные так называемые поэты. Я кое-кого знал из таковых. Они ездили по республикам и переводили — сегодня персидскую, завтра дагестанскую, чукотскую, бурятскую и т.д. поэзию. Где же прочувствовать дух, образность и, главное — символику той же персидской поэзии — в основном суфийской, т.е. закрытой для обычного понимания — поэзию Рудаки, Джамии, Хафиза, того же Хайяма. Простые символы вина, глины, любовной страсти и т.д. непонятны без комментариев. Серьезные ученые-востоковеды все знают, но переводами не занимаются.

Позволю себе краткий комментарий важных символов поэзии Хайяма.

«Вино» — это духовная сущность бытия.

«Вселенная» — это чаша вина.

«Человек» — чаша, где глина чаши — плоть.

«Вино» — дух.

— Мы в чаше бытия — лишь пузырьки вина. (Омар Хайям).

«Виночерпий» — творец духа. Он же «Гончар» — творец материи.

«Опьянение» — это экстатическое состояние соединения своего духа — «вина» — с всеобщим духом — Всевышним. Слова Бог, Аллах Хайямом не употребляются. Бог — Создатель выступает под разными именами, как в мужской, так и в женской ипостасях.

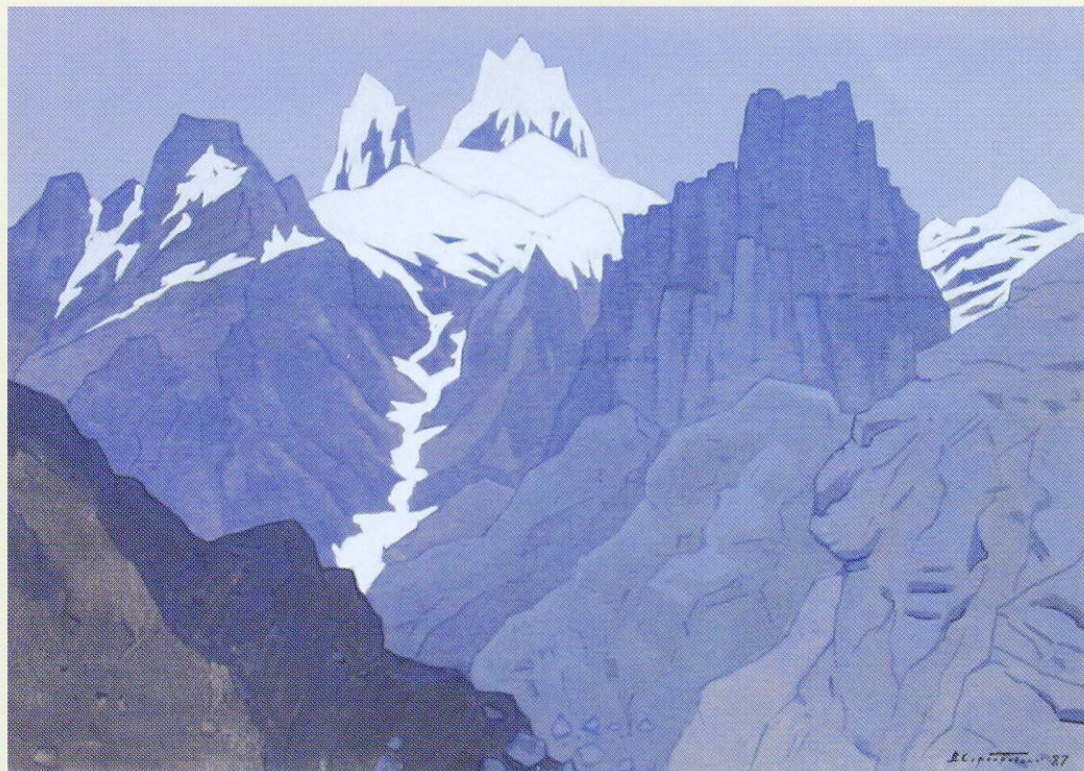

3. Knappe 86

*Не узнать никогда, где есть рай, где есть ад.
Кто ушел навсегда, не вернется назад.
Почему же направлены страхи и все упования
На какие-то вещи, котим нет и названья.*

*Любимая, пусть дни твои продлятся, как мои печали.
Сегодня вновь ко мне была ты благосклонна.
В твоих глазах прочел: «Створи добро вначале,
А что потом, не думай, брось в забвенья волны».*

*Нас не было, а дни и ночи были.
Все превращая в прах, вращается Земля.
Ступай же осторожно по земле – из пыли
Глаза красавиц смотрят на тебя.*

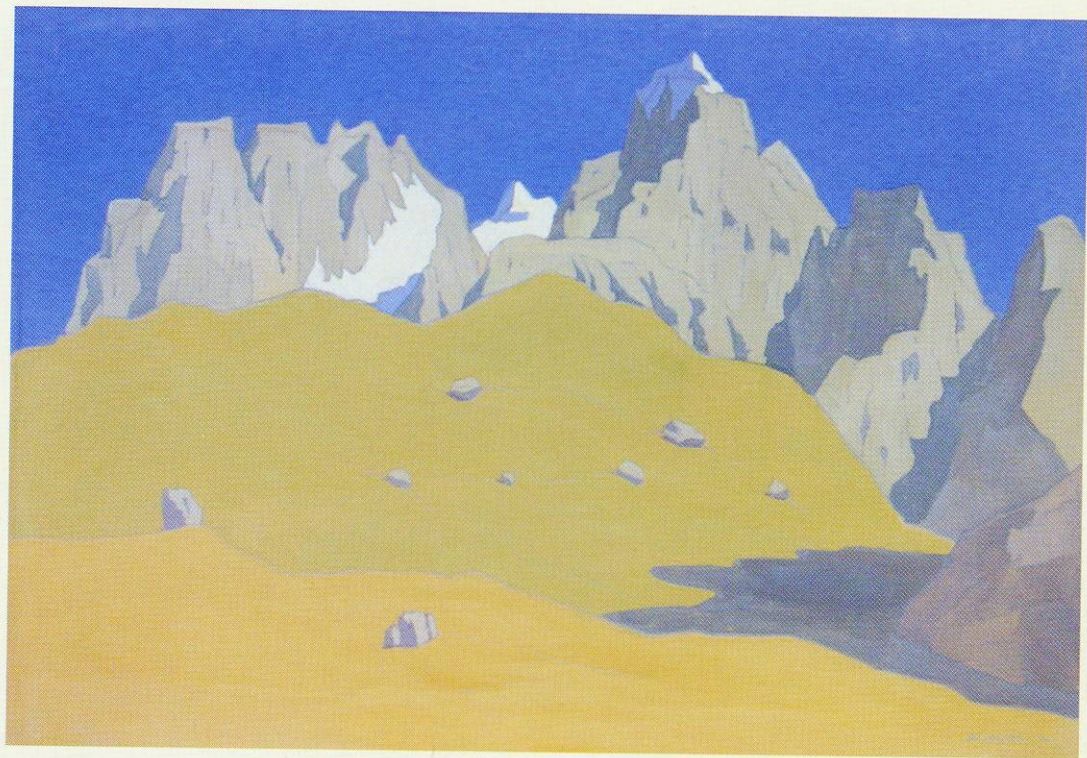
*О, книга юности, как быстро ты прочлась.
Весне на смену уж зима поспела.
О птица радости, что юностью звалась,
Как быстро ты, однако, пролетела.*

*Мы являемся целью создания.
Мы являемся целью познания.
Мирозданье – кольцо, что не знает конца.
Мы – гравировка на камне кольца.*

*Шатер небесный опустил свой полог.
Закрылись двери жизни, путь недолог.
Отбрось печаль, Хайям, в том не твоя вина.
Мы в чаше бытия – лишь пузырьки вина.
А виночерпий вечности упрямо
Уж сотни вычерпал таких хайямов.*

*Был плохим учеником. Ну и что – скажи на милость.
Стал учителем потом, но недолго радость длилась.
Годы быстро пронеслись. Что возникло, канет в лету.
Мы из праха родились и развеемся по ветру.*

*Послушай, мой друг, оставь-ка печали
О мире, где нет ни конца, ни начала.
Довольствуйся малым, уйди от борьбы
И наблюдай за игрою судьбы.*

*Как странный караван людская жизнь идет.
Прекрасные мгновения уходят.
Не думай же о том, что страшный суд грядет,
И пей вино, ведь ночь уже проходит.*

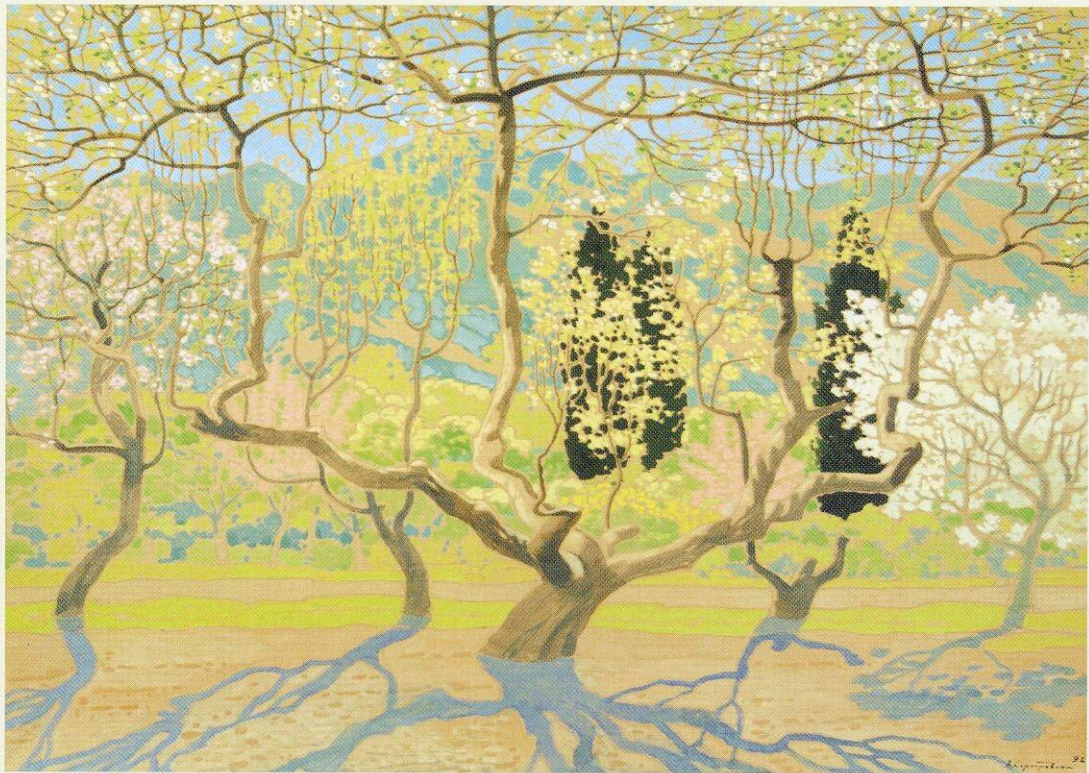
*В чем тайна жизни, не дано узнать.
В чем тайна смерти, трудно разгадать.
Что в этой жизни ты не смог познать,
Когда тебя не будет, что ты сможешь знать?*

*Наш старый мир похож на караван-сарай,
Где есть и то и это, только выбирай.
Шут множество пиров украсят жизни путь.
И тысячи могил помогут отдохнуть.*

*Кроме ветра в руках, ничего не останется в мире
От того, что нам кажется истинным здесь,
Но когда ты поймешь, что нет истины в мире,
Вот тогда и узнаешь, что истина есть.*

От неверья до веры – мгновенье,
От сомненья до веры – мгновенье.
Так цени ж этот миг – все подвержено тленью.
Ведь и вся наша жизнь – лишь мгновенье.

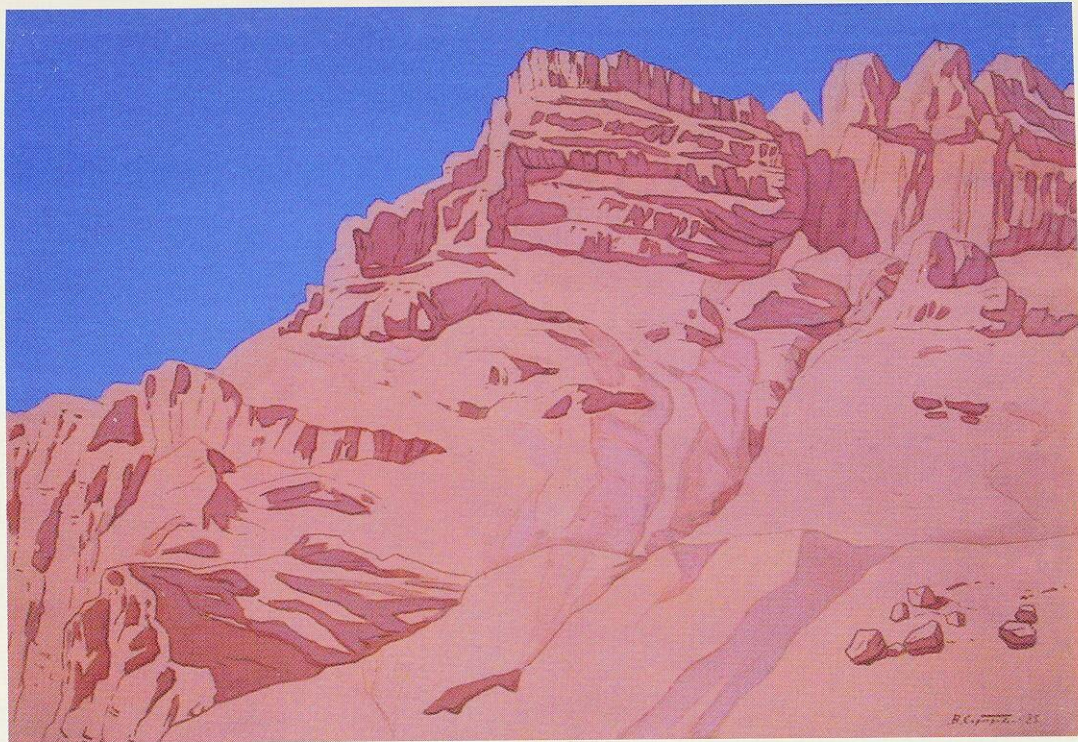
Жизнь – лишь чаша, которой любитя разум,
Эту чашу лелеют, хранят, берегут.
Взял Создатель-гончар эту чашу и разом
Вдруг о землю разбил этот хрупкий сосуд.

*О сердце, полное тревоги,
Спешишь любить, чтоб стать одним из многих,
Путь дервиша примером должен стать,
Тогда заслужишь ты иную благодать.*

*В простых вещах большая мудрость есть.
Ценнее всех преданий, что не перечесть,
Уж лучше вовсе нам не есть,
Чем без разбора есть, что есть.
Уж лучше одиночества благая весть,
Чем вместе находиться с тем, что есть.*

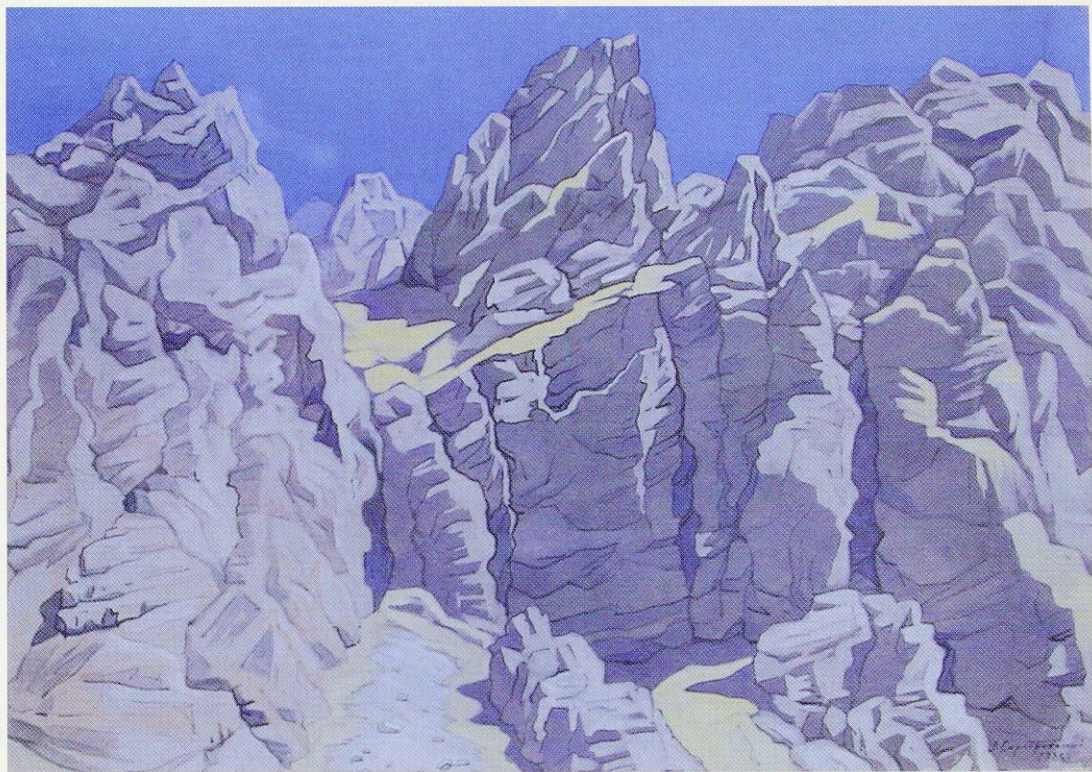

R.C. 1972 - 25

*По книге жизни я гадал, ответ искал.
Мудрец всезнающий однажды мне сказал:
– Тебе познания счастье может дать лишь тот,
Кто светит месяцем в ночи длиною в год.*

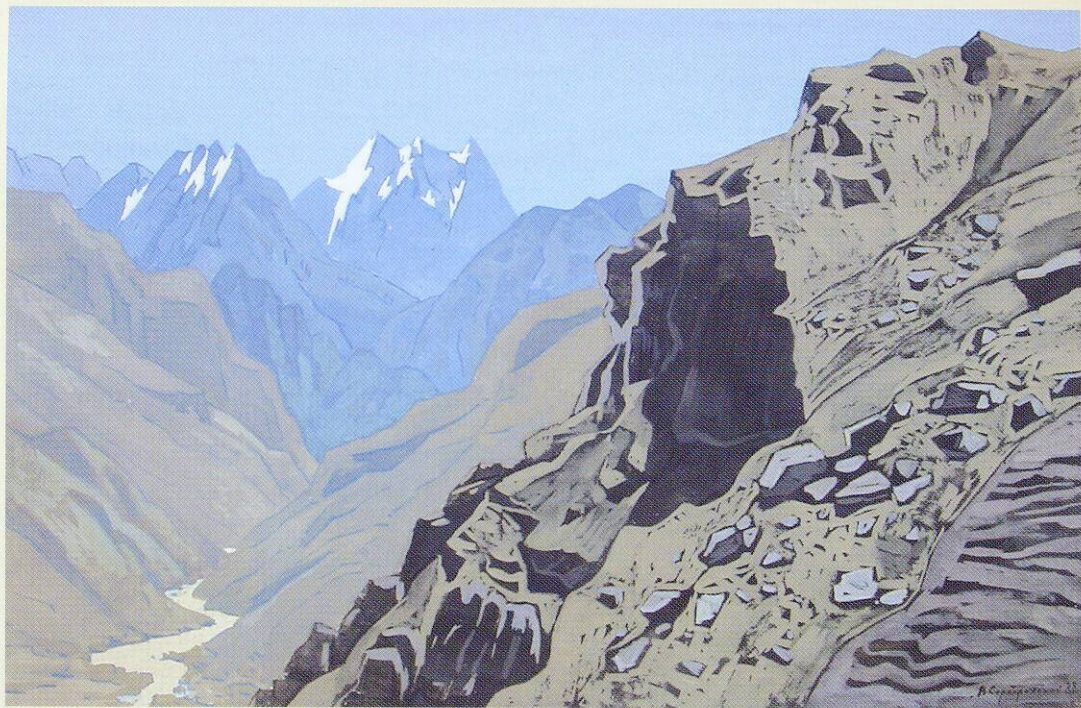

*Сказало сердце: – Открой мне сущность бытия.
– Алиф – Одно, Единое, – ответил я.
Коль в доме есть хозяин, верь,
Одно лишь слово, и тебе откроют дверь.*

*Мой друг! Забудь о том, что не было, что было,
И не скорби о мире ветхом и постылом.
И радуйся сейчас, заботиться излишне,
Напрасно горевать о бывшем и небывшем.*

В. Серебровский

Живопись из серии «Сады и горы Таджикистана»

رُباعَات حَام